

Настроение Хэ Ицзяня успешно перешло от «Прости, я был неправ» к «А, понятно, ясно». Его изначально взволнованное сердце наконец успокоилось, но в нём также затаилась толика обиды.

Ведь он не единственный, кто ему нравится, зачем же так унижаться перед ним?

Ладно, хорош, Ту Муюань. Всё равно, видел ты сообщение или нет и просто не хотел отвечать — иди играй со своим одноклассником. Чтоб тебя не видать.

В кратчайшие сроки Хэ Ицзянь накопил в себе кучу скрытого гнева. Редко когда его эмоции были так явно написаны на лице, его взгляд был полон недовольства и ярости.

Когда Цзян Инь проснулась и увидела, как Хэ Ицзянь смотрит на неё с выражением глубокой скорби, она подумала, что доставила ему какие-то невероятные проблемы.

Она не осмелилась заговорить первой, но в конце концов, под давлением внутреннего беспокойства, робко спросила:

— Цзянь-гэ, я что-то сделала не так, доставила тебе хлопоты?

Услышав это, Хэ Ицзянь на мгновение замолчал, а затем покачал головой.

— Нет, это у меня просто плохое настроение, — он потер виски, глубоко вздохнул и опустил руку. — Свяжись с семьёй, пусть придут позаботятся о тебе. Мне пора идти.

Хотя Цзян Инь не хотела терять Хэ Ицзяня как источник безопасности, она всё же послушно кивнула.

— Хорошо, спасибо, Цзянь-гэ.

Хэ Ицзянь поднялся, чтобы уйти, но перед этим вдруг о чём-то подумал, замешкался и снова сел.

— Ты... У тебя есть кто-то из семьи, кто сможет приехать?

Он вспомнил, что в прошлой жизни узнал о семейных обстоятельствах Цзян Инь. Её отец постоянно был в разъездах, мать заботилась о двух младших братьях и сёстрах, а сама она работала в другом городе, так что в ближайшее время никто из семьи не сможет приехать ей помочь.

Цзян Инь слабо улыбнулась и покачала головой.

— Цзянь-гэ, не беспокойся об этом. У меня ничего серьёзного. Деньги, которые ты за меня заплатил, я сейчас переведу. Давай, скинь мне номер счёта.

Хэ Ицзянь изначально не хотел этого делать, но в этой жизни он уже не планировал слишком глубоко вовлекаться в эмоциональные связи с Цзян Инь, поэтому подсчитал потраченную сумму и отправил ей номер счёта.

— Ты собираешься продолжать работать в съёмочной группе? — спросил Хэ Ицзянь.

— ...Нет, у нас в семье большие финансовые трудности, я не могу себе позволить так тратить деньги. Я думала, что, заплатив цену, смогу быстрее пробиться, но я не ожидала, что эта цена окажется настолько тяжёлой. Я хочу зарабатывать деньги, много денег. Наша семья уже на

границы нищеты. Если в шоу-бизнесе не получится, я найду другой способ. В конце концов, что бы я ни делала, я смогу хотя бы прокормить себя.

Взгляд Цзян Инь был полон отчаяния, а в её голосе чувствовалась горечь.

Хэ Ицзянь смотрел на неё, и его взгляд постепенно становился мрачнее.

В его семье в детстве тоже было нелегко. Мать работала на разных подработках, а отец был неудачливым пианистом, который играл в ресторане, а затем, чтобы заработать больше денег для его образования, устроился поваром.

В детстве Хэ Ицзянь всегда думал, что руки отца, играющего на пианино, прекрасны. Но в конце концов, эти руки стали грубыми, покрытыми порезами и ожогами от масла.

Те прекрасные руки покрылись мозолями от долгих лет работы с кухонной утварью.

Его мать была обычной женщиной, мечтательницей, любившей всё красивое, поэтому она без колебаний вышла замуж за его красивого и талантливого отца.

Но в конце концов, все её мечты разбились о реальность.

Их единственной надеждой был их сын.

Мать Хэ Ицзяня хотела, чтобы он стал таким же, как её идеальный мужчина — богатым, успешным, любимым всеми. А отец хотел, чтобы он превзошёл его, хорошо играл на пианино и осуществил все его несбывшиеся мечты, получая аплодисменты тысяч людей.

Хэ Ицзянь был их будущим, но также и источником их тяжёлого бремени.

...

Слова Цзян Инь проникли в самую глубокую рану Хэ Ицзяня. Он усмехнулся, но в его глазах отражалась печаль.

— Разве прокормить себя — это всё? Ты же не из тех, кто живёт только для себя. Ты действительно можешь спокойно смотреть, как твои близкие, которые растили тебя с детства, трудятся до изнеможения, чтобы заработать немного денег?

Эмоции Цзян Инь, похоже, достигли предела. Она закрыла глаза, пытаясь улыбнуться, но её лицо исказилось.

Слёзы одна за другой покатались по её щекам, мышцы лица судорожно подёргивались. Она опустила голову, закрыла лицо руками и разразилась громким плачем.

— Что я могу сделать? Я очень стараюсь, но я всё равно не могу накопить денег... Я не понимаю, почему другим так везёт. Я делаю то же самое, что и они, я даже больше стараюсь, больше работаю! Но они получают всё, а я остаюсь бедной и уставшей...

— ...Почему? Что я сделала не так? Я не хочу этого давления, я не хочу заботиться о семье... Почему мы так бедны?

Цзян Инь плакала изо всех сил, выплёскивая всю свою боль и обиду, словно обвиняя небеса.

Хэ Ицзянь быстро нажал кнопку вызова медсестры. Врач, узнав о ситуации, поспешил сделать

Цзян Инь укол успокоительного.

Он чувствовал головную боль.

Потому что в Цзян Инь он видел другого себя.

С детства скованного семьёй, ограниченного бедностью.

Даже если однажды удастся вырваться из этого, более глубокие оковы, скрытые в характере, останутся на всю жизнь.

Цзян Инь всю жизнь гналась за деньгами, а Хэ Ицзянь — за славой. Оба они не умели контролировать себя, всегда находясь в крайностях.

В каком-то смысле Хэ Ицзянь и Цзян Инь были похожи — оба с резким характером, не умеющие идти на компромиссы, видящие всё в чёрно-белых тонах.

Но при этом они могли быть более упорными, более целеустремлёнными и более жестокими.

Это были те раны, которые люди, выросшие в благополучных семьях, никогда не смогут понять.

Хэ Ицзянь наконец пришёл в себя. Он посмотрел на экран своего телефона, где диалог с Ту Муюанем всё ещё оставался без ответа, и в его сердце возникло чувство холода.

Он закрыл глаза и выключил телефон.

Этот холод погасил пламя, которое только начало разгораться в его душе.

Ведь, как ни старайся, отношения между людьми никогда не останутся такими же крепкими, как вначале.

Всегда найдётся что-то неожиданное, даже мелкие разногласия, которые постепенно разрушат то, что казалось нерушимым.

Пусть будет так.

...Верить во что-то слишком утомительно, и его нынешнее эмоциональное состояние было просто ужасным. Риски, которые он должен был нести, несоизмеримо возросли.

Хэ Ицзянь сидел в больнице, дожидаясь, пока Цзян Инь проснётся. Он смотрел в окно, и день прошёл незаметно. Уже наступил вечер.

Он устало откинулся на спинку стула. В палате было несколько кроватей, но лежала только Цзян Инь. Хэ Ицзянь не ел весь день, но не чувствовал голода.

Небеса подарили ему перерождение, но это было скорее наказанием.

В этот момент Хэ Ицзянь думал именно так.

К восьми часам вечера дождь усилился.

Хэ Ицзянь выбежал под дождь, купил пачку сигарет в ближайшем магазине и присел на ступеньки, чтобы выкурить несколько.

Когда он вернулся, то увидел человека, от вида которого его бросило в дрожь. Тот стоял у стойки администратора и о чём-то спрашивал.

...

Зрачки Хэ Ицзяня расширились. Он смотрел на мужчину, пока тот не повернулся, и его профиль стал узнаваем.

Что происходит... Почему он здесь?

Хэ Ицзянь почувствовал, что ему стало трудно дышать. Он сжал пачку сигарет в руке, дыхание стало прерывистым.

И тут произошло нечто, что ещё больше его озадачило.

Ту Муюань с серьёзным видом спускался по лестнице. Увидев его, мужчина подошёл и что-то сказал ему.

Выражение лица Ту Муюаня, похоже, смягчилось. Они вместе вышли из больницы, прошли мимо Хэ Ицзяня, стоявшего спиной к ним и промокшего до нитки, и направились к парковке.

<http://bllate.org/book/16697/1533318>